

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник
1976–1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

ПЕВЦЫ ОМЕЙЯДСКОГО ПЕРИОДА

Трудно представить себе народ без песни, тем более такой народ, как арабы с их древней поэтической традицией. Стихи и песня с самого начала своего возникновения связаны между собой неразрывно, и недаром в арабском языке глагол "аншада" означает и "декламировать" и "петь", а существительное "нашйд" имеет значения и "декламация", и "поэма", и "песня", и "гимн". Вместе с тем в "Китāб ал-агāни" ("Книга песен") Абū-л-Фараджа ал-Исбахāни (897-967) мы встречаем такие замечания: "Такой-то был первым, кто пел" или "Такой-то был первым, кто пел по-арабски". Второе замечание, на наш взгляд, равносильно первому, так как если араб не поет по-арабски, это значит, что он вообще не поет. Как же понять такие замечания и можно ли вообще установить, кто в народе впервые запел?

Мы знаем, что кочевники-бедуины издавна привыкли подгонять своих верблюдов пением. Что представляла собой эта песня погонщика верблюдов ("хидā")? Так как песня была связана с мерным ходом верблюда, можно с уверенностью сказать, что она имела ритм, медленный или быстрый — это зависело от желания или потребности погонщика. Но имела ли она какую-нибудь определенную мелодию, какое-нибудь определенное содержание? Едва ли. Скорее всего это была импровизация и в том и в другом смысле.

Известной разновидностью "хидā" была песня всадника, едущего ночью на верблюде и старающегося подбодрить пением и ласковыми словами уставшее животное ("рукбāни", от слова "рукбāн", что значит "всадники", "верховые", или "нашйд"). Затем, стихи, и не только в древности, но и в более позднее время, читались нараспев. Такая декламация нараспев называлась "иншād".

Наконец, у арабов, как и у других народов, была еще так называемая "трудовая песня", представлявшая, вероятно, не столько песню, сколько речитатив, подобный тем речитативам, которые и сейчас можно услышать на арабском Востоке. Обычно они исполняются на два голоса — высоким и низким. Содержание таких речитативов большей частью не имеет ничего общего с исполняемой работой и вообще с какой-либо работой. Главное здесь — это четкий ритм, который помогает тому, чтобы работа спорилась.

Итак, песня погонщика верблюдов ("хидā"), песня ночного всадника ("рукбāни" или "нашйд"), декламация нараспев ("иншād") и трудовая песня-речитатив — формы древних песен арабов. Можно ли это назвать пением? И да и нет. Арабы пели, но у них еще не было сложившихся песен, так как еще не было оформившихся мелодий. Тем более у них не было профессиональных певцов, хотя несомненно были люди, обладавшие и чувством ритма, и музыкальным слухом, и певческим голосом. Как же и когда появились у арабов настоящие песни, как и когда они научились по-настоящему, профессионально петь?

В "Книге песен", в главе, посвященной 'Аласу Зū джадану, мы читаем: "Он был одним из царей Химйара, и ему было дано прозвище "Зū джадан" из-за красоты его голоса. "Джадан" означает "голос" на их языке¹, и говорят,

что он был первым, кто пел в Йемене". Затем в той же главе говорится, что в дни правления омейядского халифа Марвāна ибн ал-Ḥакама (684–685) была открыта в Сана гробница ʒū джадана. Очевидец рассказывает: "И вот перед нами на ложе человек огромного роста. На нем золотой перстень и золотой венец, а у изголовья – золотая скрижаль, на которой [в рифмованной прозе] написано:

أنا علس ذو جذن القيل
 لخليلي مني النيل
 ولعدوى مني الويل
 طلبت فادركت
 وأنا ابن مائة سنة من عمري
 وكانت الوحش تاذن لعوني
 وهذا سيفي نوالكف عندي
 ودرعي ذوات الفروج ورمحي الهزبري
 وقوسي الفجاء وقرني ذات الشر
 فيها ثلاث مائة حشر
 من صنعة ذي نمر
 أعددت ذلك لدفع الموت عني
 فخانني

что означает:

Я "Алас ʒū джадан, царь.
 Моему другу от меня – милость,
 А моему врагу от меня – горе.
 Я искал – и добивался.
 Я прожил сто лет,
 И дикие звери внимали моему голосу.
 А это – мой меч, обладатель моего удара,
 Моя кольчуга, обладательница ячеек, мое львиное копье,
 Мой лук с далеко отстоящими один от другого концами
 и мой колчан, обладатель зла.

В нем триста тонких стрел
 Искусной работы ʒū нимра.
 Я приготовил это, чтобы отразить от себя смерть,
 Но она меня обошла".

И далее рассказчик продолжает: "И вот длина этого меча – двенадцать пядей, а под его рукояткой написано муснадом²: "В течение всей жизни я был в его руке, но он не победил"³.

Как научился петь этот арабский Орфей и был ли он действительно первым, кто пел в Йемене? Йемен – страна древней оседлой культуры, и едва ли было бы правильным связывать появление здесь пения со сторонним влиянием, тем более что ʒū джадан ал-Ḥимйарй, последний тубба⁴, жил задолго до прихода в

Йемен персов, с которыми арабы обычно связывают появление у них пения. Едва ли было бы также правильным считать 'Аласа Зӯ джадана первым певцом в Йемене: если уж появился Зӯ джадан, это значило, что и до него и после него в народе были певцы, пусть менее выдающиеся, но они несомненно были.

Зӯ джадан был не только певцом, он был также композитором и поэтом и пел свои стихи, положенные на собственные мелодии. "Книга песен" нам даже сохранила некоторые его песни. Так, в главе о певце Тувайсе приводится одна из песен Зӯ джадана, пользовавшаяся в Медине большой популярностью не только в омейядский период, но и в аббасидский. Вот она:

- (1) Что с твоими домочадцами, Рабāб? –
Смотрят они исподлобья, словно сердятся.
- (2) Когда я навешаю твоих родственников,
Они грозятся, и рычат перед ними собаки. (Аг., IV, с. 38)

В "Книге песен" не дается ни название мелодии этой песни, ни способ ее исполнения, но наше внимание привлекает ее стихотворный размер – четырехстопный наращенный "кāмил":

мутафā 'илун (или мустаф 'илун), мутафā 'илун
мутафā 'илун, мутафā 'илātун

Интересно здесь то, что такую разновидность "кāмила" у северных арабов мы встречаем не ранее омейядского периода. Однако это уже больше относится к истории развития арабской метрики.

Если обратиться к стихам доисламских поэтов-кочевников, то самое раннее упоминание о певицах мы находим у Имру-л-Қайса (500–540). В одном из своих знаменитых стихотворений он говорит:

- (1) И если я сейчас огорчен, то скольких нежных
невольниц-певиц я побуждал играть на лютне!
- (2) У них была четырехструнная, звучная. Разносится ее
напев над войском, едва руки коснутся ее⁴.

Употребление поэтом слова "қайна", означающее "рабыня", "невольница", "певица", дает основание полагать, что эти лютнистки-певицы не только не были арабками, но, возможно, и пели не по-арабски. Арабы слышали, конечно, чужие песни. В доисламский период они жили не столь изолированно, как это может казаться. Племена, кочевавшие, например, на побережье Персидского залива и в Бахрейне, вступали, конечно, в общение с персами. В связи с этим интересно привести стихи из му 'аллақи Тарафы ибн ал- 'Абда (543–569), уроженца Бахрейна. В них он описывает свою пирушку с приятелями:

- (1) Мои сотрапезники белы как звезды, а вечером
у нас появляется невольница-певица, одетая то в плащ, то в
облегающую [одежду].
- (2) Добродушная, [на ней] платье с большим вырезом, мягкая при
касании сотрапезников, с нежной кожей обнаженных мест.
- (3) Когда мы говорим: "Спой нам!",
она медленно выходит к нам, негромко начиная.
- (4) Она выводит голосом трели, и тебе представляется,
что это стоны матерей над погибшим первенцем⁵.

Здесь мы тоже встречаемся с "қайной" – профессиональной певицей-невольницей. Поэт Абӯ Мухджан ас-Сақафи (ум.637), уже доживший до ислама и принявший его, говорит:

- (1) Хотя вино и стало редкостью и нас лишили его,
и хотя ислам да страх перед наказанием разлучили нас с вином,
- (2) Все-таки я пью его в самый ранний час полными глотками,
пью его несмешанным – и становлюсь по временам весел,
и пью его смешанным с водою.
- (3) У меня в головах стоит певича,
когда она начинает говорить, она кокетничает.
- (4) Она поет то громко, то тише, так что слышно только гудение,
как будто мухи жужжат в саду⁶.

Впечатление, производимое пением на поэта, лишь подтверждает догадку о том, что "кайна" пела не по-арабски.

"Книга песен" сохранила нам рассказ уже престарелого Хассана ибн Сабита ал-Хазрадж (ум. 674), сделавшегося придворным поэтом и панегиристом Мухаммада, когда последний укрепился в Медине. Этот рассказ передается со слов внука поэта:

"Когда Хассан вернулся с пиршества бану Нубайт к себе домой, он распростерся на своей постели, положил одну ногу на другую и сказал: "Ра'иқа и ее подруга напомнили мне кое-что из того, что слышали мои уши вместе с Джабалой ибн ал-Айхамом⁸ в праздник ночей нашего язычества". Он улыбнулся, сел, затем продолжал: "Я видел десять певич-невольниц: пять византиек пели по-гречески под аккомпанемент лютен и пять пели на манер жителей Хиры, между тем как направил их в этом Ийас ибн Кубайса, и к нему приезжали из Мекки и других [мест] те арабы, которые пели таким образом. И, бывало, когда он садился пить, его ложе устилали миртом, жасмином и [разными] сортами базилика. Для него ставились толченые амбра и мускус на серебряных и золотых блюдах и приносили цельный мускус на серебряных блюдах. Для него разжигали увлажненное алоэ, если это было зимой, а летом под алоэ подкладывался лед. Летом Ийас ибн Кубайса и его товарищи приносили летние одежды, а зимой – лисьи меха и тому подобное, и, клянусь Аллахом, я никогда не проводил с ним дня без того, чтобы он не наградил меня и других своих собеседников одеждой, которые были на нем в этот день – и все это с кротостью по отношению к тем, кто был невежествен, и с улыбкой, между тем как подарок делался без какой-либо просьбы, с добрым лицом и доброй беседой. Я никогда не видел от него ни непристойности, ни разгула, а ведь мы были тогда язычниками. Но Аллах принес ислам и уничтожил им всякое неверие, мы бросили вино и то, что было отвратительно. А вы теперь, мусульмане, пьете этот набйз из сушеных фиников и фадйх из цветов [померанцевого дерева] и свежих фиников. И никто из вас не выпьет и трех кубков без того, чтобы не сойтись со своей подругой, а затем расстаться с ней, и она его бьет, как бьют чужие верблюдицы, и вы не кончаете этого" (Ar., XVI, с. 15).

Как ни "темны" были "ночи язычества", однако в рассказе Хассана ибн Сабита чувствуется тоска по тем давно минувшим концертам и той роскошной обстановке, в которой они устраивались. В этом рассказе уже прямо говорится о певичах-византийках, певших по-гречески, и певичах, которые пели "на манер жителей Хиры". Можно думать, что последние переняли эту манеру пения у своих соседей-персов. Мы не знаем, на каком языке они пели, но у нас не остается сомнения в том, что в Хире, где в молодые годы бывал Хассан ибн Сабит, незадолго до ислама уже была своеобразная школа пения и что упомянутый Ийас ибн Кубайса был организатором этой школы.

"Книга песен" сообщает нам также о том, что поэт Умаййа ибн Абү-с-Салт (ум. ок. 630), тоже бывший панегиристом Мухаммада, получил в дар от знатного мекканца-курайшита Абдаллаха ибн Джуд'ана двух рабынь-

певец. 'Абдаллāх называл их "двумя саранчами племени 'ад"⁹. Ни их имена, ни происхождение нам неизвестны, но прозвище, которое им дал 'Абдаллāх, наводит на мысль о том, что они были родом из Йемена. Когда Умаййā восхвалял 'Абдаллāха, девушки спели один из его панегириков. Это значит, что они хорошо знали арабский язык и пели по-арабски. Откуда же шла эта певческая традиция? Уж не из Йемена ли? О мелодии, на которую они исполняли этот панегирик, в "Книге песен", к сожалению, ничего не говорится (Аг., VIII, с. 2-3).

Итак, мы видим, что искусство пения у арабов развилось прежде всего в Йемене, стране древней оседлой культуры, и дало такого яркого представителя, как 'Алас Зу джадан. Что касается арабов-кочевников, то уже в доисламский период в их быту стали появляться певицы-невольницы, которые пели еще не по-арабски, часто под аккомпанемент лютни. В быту мекканской и, наверное, мединской аристократии они тоже появляются. "Две саранчи племени 'ад", которые пели и в доисламский и в раннемусульманский периоды по-арабски, особенно интересны тем, что были они, возможно, преемницами древнего йеменского искусства пения. Такой вывод нам позволяет сделать источник. Вместе с тем те же источники говорят, что первые мелодии были переняты арабами у персов и греков-византийцев уже в мусульманский период и что в Медине их перенял Сā'иб Хāсир, а в Мекке — Са'ид ибн Мисджāх.

Сā'иб Хāсир (уб. 683) был персидского происхождения и попал к арабам, войдя в податъ хосроя. Затем он стал вольноотпущенником племени лайс, а впоследствии 'Абдаллāх ибн Джа'фар (ум. 700 или несколько позже), племянник халифа 'Али, купил право покровительства ему у его покровителей, а по другим сведениям — купил его и отпустил на свободу. Как бы то ни было, Сā'иб отдал себя в полное распоряжение 'Абдаллāха ибн Джа'фара, постоянно сопровождал его и стал известен по его имени. Вместе с тем он занимался продажей в Медине съестного и разбогател на этом. У него было четыре жены. Знакомство он водил со знатью города, принимавшей его в своих домах благодаря его изяществу и приятным манерам. Однако он не пел в этих домах, так как боялся, что будет петь только 'Абдаллāху ибн Джа'фару да разве что самому халифу, наследнику престола или сыну халифа. Этой клятве он был верен до конца своих дней (Аг., VII, с. 188-190).

По свидетельству одних, Сā'иб Хāсир был первым, кто играл в Медине на лютне и пел под нее, а другие утверждают, что он на лютне не играл, а только выстукивал такт прутиком и пел импровизируя.

Однажды богатым мединцем 'Абдаллāхом ибн 'Амиром были куплены рабыни-плакальщицы. Раз в неделю их хозяин устраивал концерт, когда они играли на музыкальных инструментах, "а люди их слушали". Сā'иб перенял у них мелодии. Затем в Медине появился перс Нашит, который привел 'Абдаллāха ибн Джа'фара в восторг своим пением. Тогда Сā'иб сказал ему: "Я устрою тебе пение по-арабски, подобное пению этого перса". На следующее утро Сā'иб пришел к 'Абдаллāху и спел ему:

(1) Кому принадлежат эти жилища? Безлюдны следы их ...

Играли с ними ветры и капли [дождя].

(2) Прошли среди них, после их обитателей,
восемь или десять лет.

(3) И шафран на ее груди,
сияет он у ключиц и у шеи ¹⁰. (Аг., VII, с. 189)

Автор этих стихов не с точностью установлен, а мелодия принадлежит Сā'ибу Хāсиру, это — "первый сакыл на указательный палец".

В "Книге песен" передается рассказ о том, как 'Абдаллāх ибн Джа'фар

приехал в Дамаск по делу к халифу Му'авийе (661-680). Когда халиф под-
писал распоряжение по поводу этого дела, Абдаллах ибн Джа'фар изложил
ему одну из нужд Са'иба Хасира. Му'авийа спросил: "Кто такой Са'иб Ха-
сир?" Абдаллах ответил: "Один человек из жителей Медины, из племени
лайс. Он передает стихи". Му'авийа спросил: "Неужели каждый, кто пере-
дает стихи, рассчитывает на то, чтобы его одаривали?" Абдаллах сказал:
"Он лучше каждого". Му'авийа возразил: "Хотя бы и лучше". Тогда Абдал-
лах ибн Джа'фар попросил разрешения ввести его. Халиф разрешил. Войдя и
остановившись у дверей, Са'иб Хасир громко запел:

"Кому принадлежат эти жилища?.."

Выслушав песню, Му'авийа повернулся к Абдаллаху ибн Джа'фари и
сказал: "Свидетельствую, он сделал эти стихи еще прекраснее" - и он ис-
полнил его просьбу и хорошо с ним обошелся (Аг., VII, с. 189).

В другом рассказе говорится о том, как Му'авийа, проходя мимо по-
коев сына своего Йазиды и услышав доносившуюся оттуда песню, остано-
вился послушать. Пение настолько взволновало его, что он слушал его сна-
чала стоя, а затем позвал, чтобы ему принесли кресло. Так он и просидел
почти всю ночь, слушая пение. А когда наступило утро и к нему зашел
Йазид, Му'авийа спросил его: "Кто вчера был твоим сотрапезником, сынок?".
Тот, смутившись, так как музыка и пение считались делом греховным, спро-
сил отца в замешательстве: "Каким сотрапезником, о эмир верующих?". Ха-
лиф настаивал: "Скажи мне, тебе нечего меня бояться". Йазид ответил:
"Са'иб Хасир". Тогда Му'авийа сказал: "Облагодетельствуй его хорошенько,
сынок, и одари его. Я не увидел никакой беды в общении с ним" (Аг., VII,
с. 189).

Еще один интересный рассказ, характеризующий отношение тогдашней
публики да и самого халифа к пению и певцу, передает нам "Книга песен":

"Му'авийа приехал в Медину по одному из тех дел, ради которых он
бывал там, и приказал своему камергеру разрешить людям [доступ к нему].
Камергер вышел, затем вернулся и сказал: "У дверей никого нет". Му'авийа
спросил: "А где же люди?". Тот ответил: "У Ибн Джа'фара". Тогда Му'авийа
приказал привести мула, сел на него и поехал к Абдаллаху ибн Джа'фари.
Когда он вошел [в собрание] и сел, один из хурайшитов сказал Са'ибу Ха-
сиру: "Этот мой плат будет принадлежать тебе, если ты станешь петь и,
распевая, прохаживаться между этими двумя рядами [слушателей]". Са'иб
Хасир встал и пошел между рядами, распевая известные стихи Хасана ибн
Сабита:

"У нас блестящие блюда. Сверкают они в [свете] позднего утра,
а с наших мечей каплет [вражеская] кровь - / свидетельство нашего/
мужества."

Му'авийа молча, с одобрением слушал и, внимая ему, растрогался. За-
тем он встал и удалился домой, а Са'иб Хасир взял этот плат" (Аг., VII,
с. 189-190).

Согласно передаче, Са'иб Хасир был убит уже во время правления хали-
фа Йазиды ибн Му'авии, в день битвы при ал-Харре (26 - 28 августа 683).
Испугавшись сирийских солдат, он вышел к ним и сказал: "Я певец, и мое
положение, моя история таковы. Я служил эмиру верующих Йазиду, а еще до
него - его отцу". Они сказали: "Так спой и нам!". Он начал петь. Затем
один из них подошел к нему и сказал: "Ты хорошо спел, клянусь Аллахом!" -
и отрубил ему мечом голову. Йазиду было жаль певца, когда ему сообщили
об этом, и он сказал: "Поистине, мы принадлежим Аллаху. Разве не ясно,
если уж убийство дошло до Са'иба Хасира и подобных ему, что он один и остал-
ся в Медине" (Аг., VII, с. 190) - и действительно, город был тогда подверг-
нут полному разгрому.

Что касается Са'ида ибн Мисджаха, то, согласно передаче, он был в Мекке первым, кто перенял персидское пение. Большинство передатчиков утверждает, что он был вольноотпущенником клана махзум племени курайш (Аг., III, с. 84-88). Он был мулатом с красивым цветом кожи, и его господин восхищался его сообразительностью и способностями, когда он был еще в малолетнем возрасте. Он говаривал: "Этому мальчику предстоит будущность. Меня удержало отпустить его на свободу только то, что я предвижу в нем нечто хорошее. Если я буду жив, я обязательно узнаю, что это будет, а если умру, то он свободен". Однажды он услышал, как Са'ид поет стихи ар-Ракка' ал-Амили:¹¹

- (1) Остановись у давних, стершихся следов [стоянки] между ал-Лакйком и Гайб ан-На'им¹².
- (2) Если бы не застенчивость - а на моей голове уж стала заметна седина - я бы навестил Умм ал-Қасим.

Это была мелодия из "первого сақйла на указательный палец в месте движения среднего пальца".

Господин Са'ида позвал его и попросил: "Повтори-ка мне, сынок, то, что я услышал!". Тот повторил - и вот это лучшее из того, что было создано [в этом роде]. Тогда господин сказал: "Поистине, вот подтверждение того, что я прежде говорил". Затем он спросил его: "Откуда это у тебя?" Са'ид ответил: "Я слышал, как эти персы поют по-персидски. Я раздробил их [мелодии] и применил их к этим стихам". И господин сказал: "Ты свободен ради лика Аллаха!" Однако Са'ид ибн Мисджах остался при своем господине. Его образованность возросла, и его пение распространилось. Он стал известен в Мекке как искусный певец, и люди восхищались его искусством и прелестью того, что они от него слышали" (Аг., III, с. 85).

Что же именно перенял Са'ид ибн Мисджах от персов, что слышал он от них? В одном из рассказов, помещенных в "Книге песен", мы читаем: "Он проходил мимо персов, которые строили Священную мечеть¹³, и услышал их пение по-персидски, а затем приложил его к арабским стихам" (Аг., III, с. 84). В другом рассказе говорится, что после страшного пожара, постигшего Ка'бу (683), когда здание сгорело почти дотла, антихалиф Абдаллах ибн аз-Зубайр, укрепившийся в Мекке, решил заново ее отстроить. С этой целью он призвал строителей из персов и греков, и они построили ее заново. Проходя мимо работавших на постройке Ка'бы персов, Ибн Мисджах услышал их пение по-персидски и на его основе создал свое пение (Аг., III, с. 85). Итак, мы видим, что Са'ид ибн Мисджах услышал от персов не что иное, как их трудовую песню, мелодию которой он и применил к арабским стихам.

В "Книге песен" говорится, что потом Са'ид поехал в Сирию и перенял там мелодии греков и то, что исполнялось на лютне. Затем он переехал в Иран и там перенял много мелодий и научился играть на музыкальных инструментах. "Взяв лучшие из этих мелодий и выбросив из них те звуки и напевы, которые он считал безобразными и которые встречаются в персидских и греческих мелодиях, и оставив их вне арабского пения, он вернулся в Хиджаз. Он пел таким образом и был первым, кто утвердил это пение в Мекке, а люди потом следовали ему" (Аг., III, с. 84).

Как бы в подтверждение того, что певец использовал в своем творчестве трудовые песни персов, рассказывается, что когда халиф Му'авийа ибн Абу Суфйан строил свои резиденции "ар-Рукт", которые находятся между ад-Дар ал-Байда' и Дар ал-Хамам¹⁴, то строителями их он поставил персов из Ирака. Са'ид ибн Мисджах приходил к ним и слушал их пение, под аккомпанемент которого они строили, и то, что считал хорошим в их мелодиях, он брал и применял к арабским стихам, создавая таким образом пес-

ни. Одной из таких давних его песен, созданных наподобие тех персидских песен, является следующая:

- (1) Салāма, ты уж, поистине, одолела; будь же поэтому кроткой:
ведь часто свободный, благородный, одолев, бывает кроток.
- (2) Ты затянула беду надо мною, страдающим в неволе у тебя,
а ведь пленники отпускаются на свободу.
- (3) Поистине, я поступаю искренне по отношению к вам,
но я знаю, что у тебя равны и тот, кто неискренен, и искренний.
- (4) А когда я пожаловался Салāме на любовь к ней,
она спросила: "Серьезно ли это с твоей стороны или ты шутишь?"

Стихи эти принадлежат ал-Ахвасу, известному поэту омейядского периода, а мелодия – Ибн Мисджаху, это – "первый сақил на безымянный палец" (Аг., III, с. 86).

Интересен рассказ Дахмāна ал-Ашқара об одной из поездок Ибн Мисджаха в Дамаск:

"Я был правителем Мекки у Абдалмелика ибн Марвāна (685–705), когда ему донесли, что один черный человек, которого зовут Са‘ид ибн Мисджах, развратил юношей племени қурайш, так что они растратили на него свое богатство. Халиф написал мне, чтобы я наложил арест на его имущество и его съестные припасы, и я это сделал. Тогда Ибн Мисджах в сопровождении одного человека ... отправился в Дамаск... Там они вошли в мечеть и спросили: "Кто из людей милее всех эмиру верующих?" Им ответили: "Эти қурайшиты и его двоюродные братья по отцу". Тогда Ибн Мисджах остановился перед ними, произнес приветствие, а затем спросил: "О юноши, есть ли среди вас такой, кто окажет гостеприимство чужеземцу из жителей Хиджаза?". Они переглянулись, так как еще раньше дали обещание пойти к рабыне-певице, которую звали Барқ ал-уфук¹⁵, и стали передавать его друг другу. Только один юноша, который избегал порицания, ответил: "Я окажу тебе гостеприимство!" – и добавил, обращаясь к своим приятелям: "Вы отправляйтесь, а я пойду с моим гостем". Те ответили: "Нет, ты придешь вместе с твоим гостем", и они все вместе отправились в дом этой певицы-невольницы. Когда подали обед, Са‘ид им сказал: "Поистине, я человек черный, и, может быть, кто-нибудь из вас считает меня нечистым, поэтому я сяду и поем в сторонке", и он встал. Тогда им стало стыдно, и они приказали подать ему еду. А когда они стали пить, он сказал им подобное этому, и они поступили с ним так же. Тем временем вывели двух невольниц. Те сели на ложе, которое было для них поставлено, и пели до ужина. Затем они удалились. Через некоторое время к ним вышла невольница, прекрасная лицом и фигурой, и те две вместе с нею. Она села на ложе, а они сели пониже ее, одна – с правой стороны ложа, а другая – с левой. Тогда Ибн Мисджах сказал: "Она уподобилась этому стиху:

"Я спросил: это солнце или светильники храма,
что явились тебе под покрывалом, или ты
видишь это во сне?"¹⁶

Невольница рассердилась и сказала: "Неужели этот черный будет приводить здесь сравнения?!". Юноши посмотрели на него неодобрительно и стали ее успокаивать. Затем она спела песню, и Ибн Мисджах сказал: "Ты хорошо спела, клянусь Аллахом!". Тогда рассердился ее господин и сказал: "Неужели подобный этому черному будет приходить к моей невольнице?". Человек, взявший Са‘ида к себе, сказал ему: "Встань и удались в мое жилище, ты стал нестерпим для людей". Са‘ид уже намеревался встать, но люди эти устыдились и сказали ему: "Нет, останься, но веди себя хоро-

шо", и он остался. Потом она еще спела, и он сказал: "Ты ошиблась, о прелюбодейница, клянусь Аллахом, и плохо спела!" – и он сам пустился петь эту песню. Невольница вскочила и сказала своему господину: "Это, клянусь Аллахом, Абӯ 'Усмāн Са'ид ибн Мисджах!". Тогда он сказал: "Поистине, клянусь Аллахом, это действительно я и, клянусь Аллахом, я не останусь у вас!". И вскочили эти қурайшиты, и этот сказал: "Он будет у меня!" – и сказал тот: "Нет, у меня!". А он ответил тогда: "Клянусь Аллахом, я останусь только у вашего главы", разумея того человека, который оказал ему гостеприимство. Затем они спросили его о том, что заставило его приехать, и он рассказал им о том, что случилось. Тогда его покровитель сказал ему: "Сегодня вечером я буду беседовать с эмиром верующих. Умеешь ли ты хорошо петь "ҳидā"?". Тот ответил: "Нет, но я применяю "ҳидā". Қурайшит сказал: "Мое жилище находится напротив жилища эмира верующих. Если я встречу с его стороны благорасположение, я пришло за тобой". И он отправился к Абдалмалику. Когда же он увидел его в добром расположении духа, он послал за Ибн Мисджахом. Тот выставил голову из-за стенного зубца дворца и запел "ҳидā":

- (1) Поистине, ты, о Му'āз, о сын имеющего только одну одежду, если дрогнет [сама] отвага, то ты не дрогнешь.
- (2) Ты направляешь выступления групп людей, отклонившихся от веры Моисея и ниспосланного Писания, –
- (3) К истине, так что они устремляются к самому справедливому.

Абдалмалик спросил қурайшита: "Кто это?". Тот ответил: "Один хиджазец, который приехал ко мне". Халиф сказал: "Приведи его сюда". Қурайшит привел его, и Абдалмалик обратился к нему: "Спой снова!". Затем он его спросил: "Поешь ли ты песни всадников?". Са'ид ответил: "Да". Халиф попросил: "Спой!" – и он спел. Затем Абдалмалик спросил его: "А искусные песни ты поешь?". Ибн Мисджах ответил: "Да". – "Спой!" – сказал халиф, и тот спел. И задрожал Абдалмалик от волнения, а потом сказал ему: "Клянусь, у тебя в народе большая слава. Кто ты, горе тебе?" Ибн Мисджах ответил: "Я обиженный, обобраный, отправленный со своей родины Са'ид ибн Мисджах. Захватил мое богатство правитель Хиджаза и изгнал меня". Абдалмалик улыбнулся, а затем сказал ему: "Теперь ясно, что молодежь қурайша можно извинить за то, что они растратили на тебя свое имущество" и он даровал ему безопасность и одарил его, а мне написал, чтобы я вернул ему его имущество и не чинил ему неприятностей" (Аг., III, с.86–88).

В "Книге песен" этот рассказ ведется сначала от лица правителя Мекки, Дахмāна ал-Ашқара, затем – от лица самого Са'ида ибн Мисджаха и, наконец, от лица автора. Очевидно, Абӯ-л-Фарадж ал-Исбахāни скомпилировал его из трех рассказов (в переводе – для облегчения восприятия – мы выправили этот разный, сделав рассказчиком одного только Дахмāна ал-Ашқара).

"Ҳидā", приведенное в этом рассказе, представляет собой обычное стихотворение в размере раджаз с внутренней рифмой, причем третий его стих имеет только одно полустипение. Это, по-видимому, была импровизация, или почти импровизация, самого Са'ида ибн Мисджаха. Обращение в первом стихе "О Му'āз", что можно перевести "О, спасаемый" (или "спасенный") [Аллахом], имеет, конечно, в виду самого Абдалмалика. Выражение "сын имеющего только одну одежду" говорит о скромности его отца, халифа Марвāна ибн ал-Хакама, и одновременно сравнивает последнего, да и самого Абдалмалика, с верблюдом, который, действительно, имеет только одну "одежду". Это сравнение совсем не является обидным, наоборот, мы часто встречаем его в панегириках и элегиях употребленным в самом лучшем смысле. Кроме того, эта песня представляет собой "ҳидā" – т.е. песнь погонщика верблюдов, и поэтому верблюд должен так или иначе в ней фигури-

ровать. Во втором же стихе и в единственном полустииху третьего стиха мы видим обыкновенный "мадх" – прославление. Исполненное "хида" было, конечно, тонкое и должно было понравиться халифу.

Год смерти Са'ида ибн Мисджаха, этого выдающегося певца, как в большинстве случаев с певцами, нам не известен. Мы только знаем, что он умер в дни правления халифа ал-Валида ибн Абдалмалика (705–715), передав свое мастерство другому певцу.

Современником Са'ида ибн Мисджаха, но, по-видимому, совсем не связанным с ним в области вокального искусства, был певец Ис'а ибн Абдалл'ах, известный больше по своему прозвищу Тувайс¹⁷ и кунье Аб'у Абд-алмун'им или Аб'у Абданна'им (Аг., II, с. 170–178; IV, с. 38–40). Был он вольноотпущенником клана махзу'м племени қурайш и жил постоянно в Медине. Он хорошо знал историю родного города и родословные его жителей. Он был высокого роста, худой и косоглазый, что придавало его внешности несколько зловещий вид. Проницательность и остроумие заставляли многих его побаиваться. Когда его спросили о времени его рождения, он ответил, что родился в день, когда умер посланник Аллаха (632), от груди был отнят в день смерти Аб'у Бакра (634), был обрезан в день убийства халифа 'Умара (644), женился в день убийства халифа 'Усм'ана (656), а в день убийства халифа 'Али' (661) у него родился ребенок. Если этот ответ был правдивым, то, конечно, мединцы должны были видеть в Тувайсе что-то роковое, а если это было шуткой, то в ней сквозило вольнодумство. Сведения, приводимые о нем в "Книге песен", довольно противоречивы. Так, одни говорят, что он любил раздувать ту вражду, которая всегда тлела между племенами ал-аус и ал-хазрадж, составлявшими основное население Медины. Он хорошо знал стихи поэтов обоих племен и часто, явившись на собрание, в котором принимали участие оба племени, начинал петь стихи, восхвалявшие какое-нибудь из этих племен и поносившие другое. Обычно такие собрания кончались потасовкой между обоими племенами. Тувайсу запрещали петь, но сам он уходил невредимым, а на такие запреты отвечал: "Я не перестану петь стихи ансаров¹⁸, пока они не подложат мне под голову землю" (Аг., II, с. 176). Другие же говорят, что он был человеком обязательным в общении, услужливым, внимательным к тому, заботу о ком брал на себя, не мелочным, что он был очень почитаем к своим благодетелям, клану махзу'м, и к тем из прочих қурайшитов, кто заключил с ними союз, и мирился с теми, кто был к ним враждебен, но без заискивания. И қурайшиты любили его, постоянно теснились вокруг него, прося его что-нибудь рассказать или спеть. "И если бы не его изнеженность, то ни среди қурайшитов, ни среди ансаров, ни среди прочих не нашлось бы человека, который бы не приблизил его к себе" (Аг., II, с. 171, 175, 176). А когда однажды собрались мединцы и начали перебирать разные обстоятельства и случаи, имевшие место в Медине, и вспомнили о Тувайсе, то один из них сказал о нем, возражая другим: "Если бы вы посмотрели на него, то увидели бы то, что вас бы обрадовало: его знания, хорошее пение, превосходное выстукивание в бубен, остроумие такое, что он мог бы рассмешить даже [мать], потерявшую ребенка" (Аг., II, с. 171).

Тувайс не играл на лютне, а выстукивал в бубен, и этот бубен был квадратной формы (Аг., II, с. 170, 175). В "Книге песен" мы читаем, что Тувайс был первым, кто пел в Медине по-арабски и кто ввел в обиход ее жителей изнеженность, и что первой его мелодией был "хазадж на безымянный палец", исполненный на следующие стихи:

- (1) Как он придет издалека, когда его скрывает близкое?!
- (2) Он уезжает от нас в Сирию, бояливый, праздный.
- (3) Любовь изнурила меня так, что от чувства я чуть не растаял.

(Аг., II, с. 170, 171)

Автор этих стихов нам неизвестен, известно только, что, после того как Тувайс их спел, он получил прозвище аз-Зайб – “такущий”. Новым в этом стихотворении по сравнению со стихами известных лирических поэтов омейядского периода является то, что оно имеет уже в виду не возлюбленную, а возлюбленного – явление, вызванное, по-видимому, персидским влиянием и часто наблюдаемое в стихах поэтов аббасидского периода.

Чтобы лучше понять Тувайса, стоит привести рассказы о людях, с которыми певец был близок и уmonoстроения которых он разделял. Так, например, “Книга песен” передает рассказ о Ханабе – “Жеманнике”. Он был вольноотпущенником Абдаллаха ибн Абду Умайи ал-Махзуми, знатного курайшита, вольноотпущенником которого, по некоторым сообщениям, был несколько позже и Тувайс (Аг., II, с. 172). Этот Ханаб спросил однажды своего господина: “Если Аллах завоевал для вас Таиф, то попроси у пророка – да будет доволен им Аллах и да приветствует его! – Бадийу, дочь Гайлана ибн Салама. Она стройна, смешлива, большеглаза, с зубами подобными ромашке, если говорит – поет, если стоит – покачивается...”¹⁹, как сказал Қайс ибн ал-Хатим (У1 – начало УІІ в.):

- (1) Она завладевает всем твоим вниманием, тогда как
сама она не обращает никакого внимания, и ее лицо прозрачно,
как будто ее изнурила потеря крови.
- (2) Среди губительной пустыни женщин ее характер –
умеренность: не слишком густая растительность
и не каменистая почва.

Когда все это дошло до Мухаммада, он сказал: “Ты уж запустил взгляд, о враг Аллаха!” – и изгнал Ханаба из Медины в место, находящееся под надзором крепости. После смерти Мухаммада (632) стал править Абду Бакр (632–634), и с ним говорили о Ханабе, но он отказался вернуть его в город. Во время правления Умара (634–644) с ним тоже говорили о Ханабе, но Умар тоже отказался его вернуть и сказал: “Если я его увижу, то непременно отрублю ему голову!”. Когда халифом стал Усмън (644–656), его опять просили о Ханабе, и он тоже не разрешил ему вернуться. Ему сказали: “Он уж стар, слаб и нуждается”. Тогда Усмън разрешил Ханабу каждую пятницу входить в Медину просить милостыню, но с тем условием, чтобы после того он возвращался на свое место (Аг., II, с. 172).

Известно, что Мухаммад отрицательно относился к поэтам, особенно к поэтам-лирикам. Такое же отношение к лирической поэзии, по крайней мере внешне, проявляли почти все халифы и правоверные и омейядского периода, считая ее делом греховным. Столь же греховными считались и высказывания вроде того, которое позволил себе Ханаб.

В другом рассказе говорится о том, как Йахйя ибн ал-Хакам, эмир Медины, вышел однажды из дому и увидел какого-то человека у солончака, что примыкает к мечети ал-Ахзаб. Увидев Йахйю, незнакомец сел. Это вызвало в Йахье сомнение, и он направил своих помощников, чтобы те привели к нему незнакомца. Они его привели, и оказалось, что он одет по-женски, в цветное блестящее платье, по-женски причесан и его руки окрашены хной. Помощники Йахьи сказали ему, что это Ибн Нугаш, жеманник. Тогда, обращаясь к Ибн Нугашу, Йахйя сказал: “Я не думаю, чтобы ты читал хоть что-нибудь из Книги Аллаха”²⁰ – велик Он и славен! Прочти-ка Мать стихов Корана!”.²¹ Ибн Нугаш ответил: “О отец наш, если бы я знал их мать, я бы знал и дочерей”. Йахйя воскликнул в гневе: “Так ты издеваешься над Кораном, нет матери у тебя!” – и велел отрубить ему голову. Затем он кликнул клич: “Кто приведет жеманника, тому триста дирхемов!”.

Дальше этот рассказ продолжает жеманник Зарджун:

“Вышел я после этого, намереваясь отправиться в ал-Алийю²², и вдруг слышу звук бубна. Меня это удивило. Я подошел к двери и узнал напевы лю-

дей, с которыми был дружен. Я открыл ее и вошел, и вот оказывается – это Тувайс. Он стоит, бубен в его руке, и он поет. Когда же он увидел меня, он сказал мне: "Ну что, Зарджун, убил Йахйя ибн ал-Хакам Қала ибн Нугаша?!". Я ответил: "Да". Он спросил: "И он назначил за жеманников по триста дирхемов?". Я ответил: "Да". Тогда он стал петь:

- (1) Что с твоими домочадцами, Рабаб?
Смотрят они исподлобья, словно сердятся.
- (2) Когда я навешаю твоих родственников,
они грозятся, и рычат перед ними собаки.

Затем он спросил: "Горе тебе, а не сделает ли он со мной большее, не окажет ли мне предпочтение перед ними, поступив со мной сообразно с моим достоинством?!" (Аг., IV, с. 39).

В "Книге песен" сохранился и другой аналогичный этому рассказ, но в другой передаче. Только там уже фигурирует не Йахйя ибн ал-Хакам и не Қал ибн Нугаш, а Марван ибн ал-Хакам, правитель Медины и будущий халиф, и Нугаш-жеманник. Кончается этот рассказ тем, что Тувайс, узнав о том, что Марван за каждого жеманника назначил десять динаров, уходит тотчас из Медины и останавливается в селении ас-Сувайда⁹, в двух ночах пути от Медины по дороге в Сирию. Здесь он остается до самой своей смерти, которая наступила в период правления халифа ал-Валида ибн Абдалмалика (Аг., II, с. 172).

Интересен также следующий рассказ, характеризующий и умонастроение Тувайса и его отношение к сильным мира сего, и его находчивость и остроумие:

"Когда Аббан ибн Усман прибыл к халифу Абдалмалику ибн Марвану (685–705), тот назначил его эмиром Хиджаза. Аббан отправился к месту назначения⁷, а когда он приблизился к Медине, его встретило население города во главе со знатью. Тувайс тоже вышел с ними. Когда он увидел Аббана, он приветствовал его, а затем сказал: "О эмир, я дал Аллаху обет: если я увижу тебя эмиром, я окрашу свои руки до локтей [хной] и ударю перед тобой в бубен". Затем он начал бить в бубен и петь стихи 37 джана:

"Что с твоими домочадцами, Рабаб? ..." и далее.

Аббан пришел в такой восторг, что едва не улетел. И он начал говорить: "Довольно, Тавис!"²³. Он не говорил ему "Тувайс", соблюдая свое собственное достоинство. Затем он сказал ему: "Сядь". [Тувайс] сел. Тогда Аббан продолжал: "Люди утверждают, что ты неверный". [Тувайс] ответил: "Да буду я выкупом за тебя, клянусь Аллахом, я свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммад – посланник Аллаха. Я молюсь пять раз [в сутки], пошусь в месяц рамадан и совершаю паломничество к Дому"²⁴. Тот спросил: "Кто из вас старше, ты или Амр ибн Усман?". А Амр был братом Аббана по отцу и по матери. Тувайс ему ответил: "Да, буду я выкупом за тебя, клянусь Аллахом, я держался за подолы супруг из женщин моего народа в тот день, когда твоя благословенная мать была отведена к твоему доброму отцу". Аббан смутился и устремил свой взгляд в землю". (Аг., IV, с. 38).

Несколько иначе передают этот же рассказ другие авторитеты, а именно, будто бы Тувайс сказал Аббану: "Мой обет, о эмир!". Тот спросил: "А каков твой обет?" Ответил: "Я дал обет, что если увижу тебя эмиром в городе хиджры²⁵, я ударю в бубен и спую перед тобой". Аббан ответил: "Исполни свой обет, ведь, поистине, Аллах – велик Он и славен! – говорит: "Они исполняют обеты"²⁶. Тогда Тувайс показал свои руки, окрашенные по локти [хной], достал бубен и запел:

"Что с твоими домочадцами, Рабаб?..." и далее.

Затем Аббан сказал: "Говорят, что ты злосчастен". Ответил: "И еще как!". Спросил: "А в чем проявилось твое злосчастие?". Ответил: "Я родился в ночь, когда был взят пророк – да благословит его Аллах и да приветствует!. Я был отнят от груди в ночь, когда умер Абӯ Бакр – да будет Аллах доволен им! Я достиг зрелости в ту ночь, когда был убит 'Умар – да будет благоволение Аллаха над ним! Моя невеста была приведена ко мне в ночь, когда был убит 'Усмāн – да будет Аллах доволен им!". Тогда Аббан сказал: "Уходи, чтоб ты пропал!" (Ат., IV, с. 39).

Все эти рассказы не оставляют, конечно, сомнения в том, что Тувайс был одним из тех вольнодумцев, которым и Коран и вообще ислам со всеми его установлениями был глубоко чужд. Внешне, как мы видим, Тувайс выполнял все или почти все предписания, выполнение которых требовалось от мусульманина, внутренне же он, по-видимому, не считал их правомерными. С другой стороны, весь образ жизни его и этих молодых людей, эти женские платья, прически, манера держаться, заимствованные, очевидно, от персов, казались набожным мусульманам греховными. Трудно сказать, имело ли все это уже тогда политическую подкладку, но мы видим, с каким презрением и чувством собственного превосходства относится певец ко всем этим правителям – и большим и малым.

А певцом Тувайс был превосходным, и те, кто понимал его искусство, высоко ценили его, несмотря на все его отклонения от общепринятой морали. В "Книге песен" помещен интересный рассказ о том, как Абдаллāх ибн Джа'фар, большой любитель пения и покровитель певцов, в один весенний вечер, "когда небо принесло покой таким обильным дождем, что все потекло", предложил своим друзьям отправиться в ал-'Ақйқ – место прогулок мединцев в дни весны и дождя. Сев на верховых животных, они вскоре достигли его, между тем как поток "швырял пену, как Евфрат во время прилива". Увидев, что небо не на шутку разбушевалось, Абдаллāх сказал своим друзьям: "Нет у нас ничего, чем мы могли бы прикрыться, а это небо способно промочить насквозь нашу одежду. Не хотите ли зайти к Тувайсу? Его жилище рядом с нами. Мы там отдохнем, а он расскажет нам что-нибудь и посмешит нас". А Тувайс между тем слышал в глазок слова Абдаллāха ибн Джа'фара. Абдаррахмāн, сын поэта Хассāна ибн Сабита, бывший в этой компании, ответил Абдаллāху: "Да буду я выкупом за тебя, что ты хочешь от Тувайса? На нем гнев Аллаха, он жеманник и порочит того, кто знаком с ним". Но Абдаллāх ответил ему: "Не говори так. Поистине, он приятен нам, весел и обходителен."

Когда Тувайс выслушал их разговор, он поспешил в дом и сказал своей жене: "Горе тебе, к нам пришел Абдаллāх ибн Джа'фар, предводитель людей. Что у тебя есть?" Она ответила: "Заколем эту козочку". А была у нее козочка, которую она вскормила молоком. Он поспешил и заколол козочку, а жена замесила тесто. Затем он вышел навстречу к Абдаллāху, направляющемуся к нему, и сказал ему: "Да искуплю я тебя моим отцом и моей матерью, этот дождь... Не хочешь ли войти в мое жилище? Ты отдохнешь в нем, пока не перестанет [лечь] небо". Тот ответил: "Ты-то мне и нужен!" Тувайс сказал: "Тогда иди, мой господин, с благословением Аллаха!" – и он пошел перед ним, пока они не вошли и не расположились. Они беседовали, а когда еда была готова, Тувайс сказал: "Да искуплю я тебя моим отцом и моей матерью, ты почтишь меня, если поужинаешь у меня". Абдаллāх ибн Джа'фар сказал: "Давай, что у тебя есть!". Тогда он принес ему жирную козочку и лепешки, и тот ел, и ели его спутники, пока не насытились, и он нашел пищу очень вкусной. А когда они вымыли руки, Тувайс спросил: "Не угрожу ли я тебе, если спою тебе?" Тот ответил: "Сделай это, Тувайс!" Тогда он взял покрывало, завернулся в него и спустил два конца. Затем он взял свой квадратный бубен, начал прохаживаться и петь:

- (1) О мой друг, постигла меня бессонница;
не спал мой глаз и не был скуп [на слезы].
- (2) Как ты можешь бранить меня за человека любящего,
которым наслаждается моя печень?
- (3) Его наружность подобна сиянию полной луны,
и он не труслив и не строптивый подлец.

Люди были взволнованы, и они сказали: "Ты хорошо спел, клянемся Аллахом, о Тувайс!". Затем он спросил: "О мой господин, знаешь ли ты, кому принадлежат эти стихи?". Тот ответил: "Клянусь Аллахом, не знаю, но я услышал хорошие стихи". Тогда Тувайс сказал: "Они принадлежат Қарри'е бинт Сабит, сестре Хассана ибн Сабита. Она любила Абдаррахмана ибн ал-Хариса ибн Хишам ал-Махзуми и сочиняла о нем стихи". Люди опустили головы, а Абдаррахман так смутился²⁷, что если бы земля раскололась перед ним, он навеки вошел бы туда" (Аг., II, с. 173).

"Книга песен" сохранила два рассказа, в которых Ибн Сурайдж, лучший певец омейядского периода, дает оценку певцу Тувайсу. Передаем один из них:

"Приехал Ибн Сурайдж в Медину. Однажды он сидел с группой людей, и они говорили ему: "Ты, клянемся Аллахом, лучше всех людей поешь!", между тем как Тувайс проходил мимо них. Он слышал, как они говорили это. Тогда он вытащил из-за пазухи свой бубен, ударил в него и запел стихи Ибн Зухайра Жеманника²⁸:

- (1) Воистину, жеманница, которая прошла
мимо нас перед рассветом,
- (2) [Одетая] в узорчатую мекканскую хулли,
тонкостанная -
- (3) Это краса их собрания [в день] разговения,
и она украшает их в день жертвоприношения²⁹.

И сказал Ибн Сурайдж: "Этот, клянусь Аллахом, лучше всех людей поет, не я!" (Аг., II, с. 174).

Конечно, Ибн Сурайдж, который вообще отличался деликатностью и профессиональным тактом, перехвалил Тувайса. Однако даже без его оценки мы видим, что Тувайс пользовался популярностью и любовью у своих земляков-мединцев. Мелодия на приведенные стихи принадлежит ему, это "хазадж", и говорят, что Тувайс был первым, кто создал эту мелодию и кто лучше всех ее исполнял, так что даже когда хотели похвалить какого-нибудь певца за ее исполнение, говорили: "Он лучше в "хазадже", чем Тувайс". (Аг., IV, с. 38).

Возможно, Тувайс действительно был лучшим исполнителем этой мелодии, но едва ли справедливо то, что он был ее создателем. В сведениях о Ваддāхе ал-Йамане (уб. 711-712), йеменском поэте этого же периода, мы нередко читаем, что те или иные его стихи исполнялись на мелодию "Йеменский хазадж", или "древний йеменский хазадж" (Аг., VI, с. 35, 36, 44, 46), что наводит нас на мысль о том, что эта мелодия имеет свою историю и что ее родиной является Йемен. Мы видели, что Тувайс часто пел стихи йеменского поэта и певца Зу джадана. Мелодия, на которую он их исполнял, осталась для нас неизвестна, однако мы можем предположить, что он пользовался готовой мелодией самого Зу джадана. Это, с одной стороны, говорило бы о том, что Тувайс был преемником йеменской песенной традиции, а с другой - упоминание мелодии "древний йеменский хазадж" или просто "йеменский хазадж" в главе о Ваддāхе ал-Йамане вместе с сообщением о том, что стихи Ваддāха исполнялись на эту мелодию певцами Хиджаза (Аг., VI, с. 36, 44), позволяет думать, что и мелодия "хазадж" пришла в Хиджаз из Йемена и что Тувайс лишь ввел ее в обиход.

Кстати, песня 3ṯ джадана "Что с твоими домочадцами, Рабāб?.." была популярна не только в омейядский период. Ее пели и в аббасидский период, и "Книга песен" передает нам рассказ, свидетельствующий и о ее популярности и о той притягательной силе, которой обладало пение в те времена.

"Рассказал Ḥусайн ибн Даḥмāн ал-Ашқар³⁰:

"Был я в Медине и в середине дня оказался один на дороге. Я начал петь:

"Что с твоими домочадцами, Рабāб?

Смотрят они исподлобья, словно сердятся..." -

и вдруг открылось окно и показалось лицо, а вслед за ним рыжая борода, и этот человек сказал: "О прелюбодей, ты испортил песню, нарушил полуденный отдых и распространил разврат!" Затем он сам пустился петь, и я подумал, что это Ṭувайс распевает. Я спросил его: "Да окажет тебе Аллах благодеяние, откуда у тебя эта мелодия?". Он ответил: "Я рос мальчиком, которому случалось бывать с певцами и перенимать от них мелодии, но моя мать сказала мне: "Сынок, если певец безобразен лицом, на его пение не обращают внимания. Брось пение и займись законоведением, некрасивое лицо не вредит ему". И я оставил певцов и стал следовать законооведам, и Аллах - велик Он и славен! - привел меня к тому, что ты видишь". Я попросил его: "Повтори то, что ты спел, да буду я выкупом за тебя". Но он ответил: "Нет, ни за что. Или ты хочешь говорить, что взял ее у Малика ибн Анаса?"³¹ - и вот это сам Малик ибн Анас, а я этого и не знал" (Аг., IV, с. 39-40).

Итак, у нас есть основания полагать, что Ṭувайс был связан с йеменской песенной традицией. Мы можем также предположить, что он был знаком со всеми видами древнего пения. Кроме того, мы можем с достаточной долей уверенности думать, что Ṭувайс, как человек, хорошо знавший историю и население Медины, должен был быть знаком с музыкальной и песенной традицией еврейских племен, издавна живших в Медине, пока пророк, поссорившись с ними, не изгнал их из города. Возможно, что и бубен, под аккомпанемент которого обычно пел Ṭувайс, был им заимствован от них, тем более, что никто из первых профессиональных певцов, насколько позволяют судить об этом данные, бубном не пользовался. На эту мысль нас наводит следующее краткое, но красочное сообщение:

"Когда пророк - да благословит его Аллах и да приветствует! - совершил поход против племени ан-надйр³² и изгнал их из Медины, они вышли, направляясь в Ḥайбар³³, бия в б у б н ы и играя на дудках, между тем как на женщинах были надеты, с целью показать свою стойкость, платья, выкрашенные желтяницей, и украшения из золота" (Аг., II, с. 175).

Первой гевийей, исполнявшей свои песни под аккомпанемент музыкальных инструментов, была 'Азза ал-Майлā' (Аг., XVI, с. 13-20). Она была вольноотпущенницей ансāров и жила постоянно в Медине. 'Азза была прекрасна лицом и телом и благодаря гибкости своего стана и покачиванию при ходьбе получила прозвище ал-Майлā, что значит "гибкая", "склоняющаяся". Она хорошо играла на лктне и была неутомима в пении, отличалась мастерством исполнения и композиции.

Жители Медины, помнившие 'Аззу, говорили о ней: "Как она хороша! Как прекрасно ее пение и протяжность ее голоса, как богато ее горло, как хороша ее игра на лютне, литаврах и прочих инструментах, как красиво ее лицо и как изящен ее язык, как полно общение с нею, как благороден ее характер, как щедра ее душа и как хороша ее помощь" (Аг., XVI, с. 13-14).

Упомянутый нами поэт Ḥассāн ибн Сабит, панегирист Муḥаммада, восхищался 'Аззой ал-Майлā' и отдавал ей первенство среди певиц Медины. Известно, что она сочиняла мелодии на его стихи (Аг., XVI, с. 16). Певец Ṭувайс,

живши: по-соседству с 'Аззой и навешавший ее, говаривал о ней: "Она госпожа поющих женщин, при том, что она обладает исключительной красотой, прекрасным характером и незапятнанным исламом. Она приказывает [делать] добро, будучи сама из числа людей добра, и загрешает зло, сторонясь его, и ты не нуждаешься ни в собеседнике, ни в обществе более благородном, чем она... А когда она, бывало, давала концерт, казалось, что на головах собравшихся сидит птица: если кто заговорит или пошевелится, она клонет его в голову". Знаменитый певец Ибн Сурайдж был от нее в восхищении (Аг., XVI, с. 14).

Младший современник 'Аззы певец Ма'бад рассказывал, что он слушал, как 'Азза пела, когда она уже была в годах, под аккомпанемент литавров романс на стихи ал-Атнāбы³⁴:

"Потешьте меня и потешьте двух моих спутников:
напоите меня из бурдюка прозрачного вина!"

Ма'бад сказал: "И никто никогда не слышал ничего более прекрасного, чем это. Таким было ее пение, когда она была уже пожилой. Как же она пела, когда была молода?!" (Аг., XVI, с. 14).

О пении 'Аззы в молодые годы мы можем судить по рассказу, передаваемому нам "Книгой песен" со слов одного мединца-ансāра:

"'Азза была одной из наших вольноотпущенниц. Она была целомудренна и красива, и 'Абдаллāх ибн Джа'фар, Ибн Абū 'Атīк³⁵ и 'Умар ибн Абū Рабī'а³⁶ посещали ее дом, и она им пела. Однажды она спела 'Умару ибн Абū Рабī'а один из своих романсов на какие-то из его стихов. 'Умар разорвал свои одежды и испустил громкий вопль, вместе с которым он лишился чувств. А когда он пришел в себя, люди сказали ему: "Безрассудство, поистине, изменило тебя, о Абū-л-Хаттāб!". Поэт ответил: "Клянусь Аллахом, я услышал такое, после чего я уже не мог владеть ни собой, ни своим расходом" (Аг., XVI, с. 14).

В другом сообщении рассказывается о том, как Ибн Абū 'Атīк, восхищавшийся 'Аззой ал-Майлā, пришел однажды к 'Абдаллāху ибн Джа'фару и спросил его: "Ты мне за отца и за мать, не хочешь ли послушать 'Аззу, так как я уже стосковался по ней?". Тот ответил: "Нет, сегодня я занят". Ибн Абū 'Атīк сказал: "Ты мне за отца и за мать, поистине, она оживляет-ся только в твоём присутствии, поэтому заклинаю тебя, чтобы ты помог мне и оставил свое занятие". Тогда 'Абдаллāх ибн Джа'фар согласился. Они пришли к ней и видят, что у нее перед дверью стоит посланный от эмира и говорит ей: "Брось пение, так как жители Медины шумят из-за тебя. Они сказали, что ты околдовала и мужчин их и женщин". Тогда Ибн Джа'фар сказал ему: "Вернись к своему господину и передай ему следующие мои слова: "Заклинаю тебя, чтобы ты прокричал в Медине, спрашивая, какой мужчина стал порочным или какая женщина была соблазнена из-за 'Аззы, и требуя, чтобы он открылся в этом, чтобы мы знали и чтобы он показал нам и тебе свои обстоятельства". И посланец прокричал об этом, но никто не обнаружился. А Ибн Джа'фар вошел к 'Аззе вместе с Ибн Абū 'Атīком и сказал ей: "Да не устрасит тебя то, что ты слышала, и давай спой нам!". Она спела им стихи ал-Қутāми (ум. ок. 720):

"Мы приветствуем тебя, о след жилища,
хоть ты и стерся и хоть долго тебя никто не посещал".

Ибн Абū 'Атīк задрожал от волнения, а 'Абдаллāх ибн Джа'фар сказал ему, очевидно, признавая его чувствительность: "Я вижу, что мне не догнать твой кортеж, после того как ты услышал эту песню от 'Аззы" (Аг., XVI, с. 20).

Совсем как новелла из "Тысяча и одной ночи" звучит следующий рассказ:

"В Медине был один благочестивый человек из людей науки и законовения. Он навещал 'Абдаллāха ибн Джа'фара. Однажды он услышал певицу – невольницу одного из работорговцев, певшую "Уехала Су'ад, и связь с нею пресеклась..."³⁷. Он страстно в нее влюбился, слепо предавшись ей, и бросил то, чем занимался и чего придерживался, так что 'Атā'и Та'вис³⁸ пришли к нему и стали его бранить. Но он отвечал им: "Представьте себе слова поэта:

"Из-за тебя ругают меня люди, с которыми я общаюсь,
но я не забочусь, улетело ли порицание или упало"³⁹.

Весть о нем дошла до 'Абдаллāха ибн Джа'фара, и он послал за работорговцем. Тот показал ему ту невольницу. 'Абдаллāх послушал, как она поет эту песню⁴⁰, и спросил ее: "От кого ты ее переняла?". Она ответила: "От 'Аззы ал-Майлā'". И он купил ее за сорок тысяч дирхемов. Потом он послал за тем человеком. Он спросил его, как он поживает, и тот рассказал ему всю правду. 'Абдаллāх спросил его: "Не хочешь ли послушать эту песню от того, от кого ее переняла эта невольница?". Тот ответил: "Да". Тогда он позвал 'Аззу и сказал ей: "Спой ее ему". 'Азза спела, и этот человек упал без чувств, как громом пораженный. Ибн Джа'фар спросил: "Не приведем ли мы его в чувство, побрызгав на него водой?". Ему побрызгали в лицо водой, и, когда он очнулся, 'Абдаллāх ибн Джа'фар спросил его: "Неужели до всего этого тебя довела любовь к ней?". Тот ответил: "То, что от тебя скрыто, еще больше этого". 'Абдаллāх спросил: "А не хотел бы ты послушать эту песню от нее самой?". Ответил: "Ты ведь видел, что постигло меня, когда я услышал ее от другой, которую я не люблю. Что же будет со мной, когда я услышу ее от нее самой, при том, что я не могу ею владеть?". 'Абдаллāх ибн Джа'фар спросил: "А ты узнаешь ее, если увидишь?". Ответил: "А то узнаю другую?". 'Абдаллāх велел привести ее. Ее ввели, и он сказал: "Возьми ее, она твоя". Клянусь Аллахом, я на нее смотрел только со стороны". Тогда законовед поцеловал ему руки и ноги и сказал: "Ты дал сон моему глазу, ты оживил мою душу, ты оставил меня жить среди моего народа, ты возвратил мне мой разум!" – и он многократно призвал на него благословение. 'Абдаллāх же сказал: "Я не соглашусь отдать тебе ее так. Эй, гулам, принеси к ней в придачу столько же, сколько она стояла, чтобы он не причинял заботы ей, а она не причиняла заботы ему" (Аг., XVI, с. 19).

Итак, мы видим, что 'Азза ал-Майлā' пела прежде всего арабские песни, перенимая их у старших певиц – Сир'йн, Зарнаб, Хаули, ар-Рабāб, Салмы и Ра'иқи. Об этих старших певицах нам известно только то, что Сир'йн была невольницей поэта Хассāна ибн Сабита, что она сложила мелодию на его стихотворение "О сыны Джафны..." – "первый сақил" – и что началом этой мелодии был "нашйид" (Аг., XVI, с. 18).

Ра'иқа была наставницей 'Аззы и во время правления халифа 'Усмāна (644–656) пела вместе с нею на концерте в ал-'Ирсāне⁴¹ у бану Нубайт другое стихотворение Хассāна ибн Сабита, в котором он воспевает свою возлюбленную Ша'су, ставшую впоследствии его женой. Мелодию же на это стихотворение сложила 'Азза. Это был "рамал на безымянный палец" (Аг., XVI, с. 15–16). Об остальных названных певицах "Книга песен" ничего не сообщает. Что касается 'Аззы, то она пела и другие стихотворения Хассāна ибн Сабита. Затем, когда появились Нашйт и Са'иб Хасир, певшие по-персидски, она переняла у них персидские напевы и на их основе сложила новые мелодии – применительно к стихам арабских поэтов. Таким образом, мы видим, что 'Азза ал-Майлā' как бы объединила в своем творчестве две песенные традиции: арабскую и персидскую. Став выдающейся певицей, она, в свою очередь, передавала свое мастерство молодым начинающим певцам.

Крупнейшим певцом начала омейядского периода был Муслим ибн Мухриз (Аг., I, с. 150-152). Впрочем, передатчики расходятся относительно его имени: некоторые говорят, что его имя было Силм, а другие — ‘Абдаллах. Как бы то ни было, он стал известен по кунье Ибн Мухриз. Он был вольноотпущенником, скорее всего, клана махзум племени курайш, так как его отец был одним из служителей Ка‘бы. Родом он был из персов. Это был человек высокого роста с бледным цветом лица.

Говорят, что Ибн Мухриз начал свою карьеру певца с того, что перенял песни у мекканского певца Ибн Мисджаха. Жил он то в Мекке, то в Медине. Приезжая в Медину, он оставался там обычно три месяца, изучая игру на музыкальных инструментах у ‘Аззы ал-Майла⁴¹. Потом он возвращался в Мекку и там жил три месяца, затем отправлялся в Иран, где перенимал мелодии персов и манеру их пения. После этого он переезжал в Сирию и изучал там мелодии греков-византийцев и перенимал их пение. Он выбрасывал из мелодий тех и других то, что ему не нравилось, и брал то, что считал красивым. Соединяя одни мелодии с другими и приспособлявая их к стихам арабских поэтов, он создавал арабские песни, романсы, подобных которым еще никто никогда не слышал. Это стало называться “саннадж ал-‘араб”⁴². Передатчики говорят, что Ибн Мухриз был первым, кто пел “рамал”, и что до него “рамал” не пелся по-персидски. Они утверждают также, что персидский певец Салмак, живший в дни Хārūна ар-Рашида (786-809), был первым, кто пел “рамал” по-персидски. Ему понравилась, между прочим, одна из мелодий Ибн Мухриза, он применил ее к персидским стихам и пел созданную таким образом песню (Аг., I, с. 151).

Говорят также, что Ибн Мухриз всегда пел парные бейты, считая, что “мелодии не бывают совершенны при нечетном числе стихов”. Другие певцы делали это уже после него, подражая ему (Аг., I, с. 151).

Ибн Мухриз не общался ни с халифами, ни прочими людьми, так как был болен проказой, от которой он и умер. Поэтому рассказы о нем связаны только с его пением, а его личная жизнь остается мало известной. Большинство из его песен переняла невольница одного из его мекканских друзей. Она запоминала их, а люди брали их уже от нее. Совершая свои поездки, Ибн Мухриз все же давал концерты, так как, согласно передаче, зарабатывал на жизнь именно таким путем. Говорят, что добытые деньги он привозил своему другу, и тот тратил их по своему усмотрению, и Ибн Мухриз никогда не требовал от него отчета. Когда же деньги начинали истощаться, друг снаряжал его в дорогу и говорил ему: “Если хочешь, поезжай”. Тот ехал и возвращался, и так он поступал, пока не умер.

Рассказывают, что однажды Ибн Мухриз отправился в Ирак, чтобы дать там несколько концертов. Узнав об этом, певец Хунайн, живший там и пользовавшийся популярностью⁴³, решил испытать его как певца. Он встретил Ибн Мухриза в ал-Кадисийе и попросил: “Спой мне что-нибудь!” Ибн Мухриз спел ему собственный романс на стихи ‘Умара ибн Абū Раби‘а:

- (1) Прелесть нанизанного хризолита
на открытой шее украсила ожерелье;
- (2) Яхонты разделяют жемчуг, и, подобные
горящим уголькам, я увидел жемчужины”.

Мелодия этого романса — “второй са‘ил на указательный палец в месте движения безымянного пальца”.

Выслушав романс, Хунайн спросил Ибн Мухриза: “Сколько ты рассчитываешь получить в Ираке?”. Тот ответил: “Тысячу динаров”. Хунайн сказал: “Вот пятьсот динаров. Возьми их и уходи, но поклянись, что не вернешься”. Ибн Мухриз ушел, а когда это стало известно, товарищи Хунайна стали ругать его за то, что он сделал. Тогда Хунайн сказал им: “Клянусь Аллахом, если бы он вошел в Ирак, то мне рядом с ним не нашлось бы хлеба, который бы я ел и был бы я отброшен и выброшен до конца века”.

Этот романс относится к наиболее ранним произведениям Ибн Мухриза, и никто из певцов, как говорят передатчики, не создал ничего похожего на него в смысле метода (Аг., I, с. 152).

Согласно передаче, Ибн Мухриз прекрасно пел. Случилось так, что однажды он проходил мимо Хинд, дочери Кинаны ибн Абдаррахмана ибн Надлы ал-Кинани, союзника племени курайш, и она пригласила его подсесть к ней и ее подругам. Он подсел и сказал:

"Я спою вам песню, мелодию которой приказал мне сочинить ал-Харис ибн Халид ибн ал-Ас ибн Хишам на одно из его стихотворений в честь Аиши, дочери Талхи ибн Убайдаллаха"⁴⁴. А он был тогда эмиром Мекки. Они ответили: "Да!" – и он им спел:

- (1) Как бы я хотел, если они станут далекими и жилище их
отдалится, и отвратят их от нас превратности,
приносящие заботу,
- (2) [Между тем как] мы будем покорны, чтобы наша земля
переместилась или переместилась их земля к нам.
- (3) Чтобы были возвращены вскоре вновь мои послания к тебе
с ответом на них и чтобы вернулась эта искренность.
(Аг., I, с. 152)

Этими двумя рассказами и ограничиваются передатчики в своих сведениях об Ибн Мухризе.

Знаменитый певец времен аббасида Харуна ар-Рашида, Исхак ибн Ибрахим, рассказывает: "Я спросил у Йунуса"⁴⁵: "Кто лучше всех поет?". Он ответил: "Ибн Мухриз". Я спросил: "Как это ты говоришь такое?". Он сказал: "Если хочешь, объясню пространно, а если хочешь, изложу вкратце". Я ответил: "Изложи вкратце". Он сказал: "Он как будто создан из каждого сердца: он поет каждому человеку то, что тот хочет" (Аг., I, с. 151).

Правда, этот же рассказ передается и об Ибн Сурайдже, самом большом певце омейядского периода, но не исключено, что Ибн Мухриз в такой же или почти такой же мере заслужил этой оценки, так как он, поистине, был великим создателем песен и певцом. "Книга песен" сохранила еще один рассказ, в котором дается оценка Ибн Мухриза как певца. Спросили одного человека, знающего толк в пении: "Кто лучше всех поет?". Он спросил: "Из мужчин или из женщин?". Ответили: "Из мужчин". Он сказал: "Ибн Мухриз". Тогда его спросили: "А из женщин?". Ответил: "Ибн Сурайдж" (у Ибн Сурайджа был, по-видимому, высокий голос) (Аг., I, с. 151).

Говорят, что Ибн Мухриз любил петь романс, созданный Ибн Сурайджом на стихи Нусайба, поэта омейядского периода, – это стихи из его қасиды, начало которой – "Взволновало ли твою страсть давнее жилище?":

- (1) Вселил в меня страх перед разлукой плач голубки,
[сидящей] на ветке ивы, которой ответили другие голубки.
- (2) Воркуют они ... Что касается того, кого они оплакивают,
то время его – давнее, а что до их тоски, то она постоянна.

Мелодия этого романса – "второй сақыл на безымянный палец". Этот романс, по мнению авторитетов, является прекраснейшим произведением, в котором Ибн Сурайдж по справедливости оспаривал превосходство у Ибн Мухриза (Аг., I, с. 152).

Таким образом, в начале омейядского периода благодаря таким певцам, как Тувайс, Саиб Хасир, Ибн Мисджах, Азза ал-Майла и Ибн Мухриз, в арабском песенном искусстве слились четыре традиции. Прежде всего это было древнее пение, характерное для кочевого народа и имевшее такие разновидности, как "хида" – песнь погонщика верблюдов, "рукбани" или "нашид" – песнь ночного всадника, "иншад" – декламация нараспев и трудная песня-речитатив. Мы видели, что у певицы Сирий была, по крайней ме-

ре, одна песня, начинавшаяся с "нашйда". В укреплении этой традиции большую роль сыграла "Азза ал-Майла", преемница искусства старших певцов. Затем, это была культурная песня древних городов Йемена, давшая такого крупного представителя, как "Алас Зу джадан". Проводниками этого пения становились, по-видимому, чаще всего певицы-невольницы йеменского происхождения. Продолжателем этой традиции можно считать певца Тувайса, очевидно, хорошо знакомого с нею. Наконец, это были персидская и греческая песенные традиции, для освоения которых так много сделали Са'иб Хасир, Са'ид ибн Мисджах, отчасти "Азза ал-Майла" и особенно Ибн Мухриз.

П р и м е ч а н и я

- 1 Зу джадан означает "обладатель голоса", "голосистый".
- 2 Химйарское письмо.
- 3 Абӯ - л - Фарадж ал - Исбахāнй. Китаб ал-агāнй. Каир, 1867, т.1У, с.37-38 (далее в тексте ссылки Аг. с указанием соответствующего тома и страницы).
- 4 Шарх дйвāн Имру-л-Кайс ли-с-Сандубй. Каир, 1953, с.211.
- 5 Шарх ал-му'аллақāt ас-саб' ли-э-Заузанй. Бейрут, 1958, с.58-59.
- 6 Стихи даны в переводе А.Е.Крымского (История мусульманства. Ч. II. М., 1904, с.72).
- 7 Певицы, которых Хассāн слышал на пиршестве, причем второй из них была "Азза ал-Майла", что явствует из сообщений, данных в той же главе (Аг., т.ХУ1, с.15).
- 8 Джабала ибн ал-Айхам ал-Гассāнй - гассанидский царь из рода Джафны (см.: Аг., т. Х1У, с.2-9).
- 9 'Ад - название древнего йеменского племени.
- 10 Между вторым и третьим стихами чувствуется смысловой разрыв. Очевидно, здесь выпущены один или несколько бейтов.
- 11 Поэт омейядского периода.
- 12 Ал-Лакйк и Гайб ан-На'им - названия местностей.
- 13 Т.е. мекканский храм.
- 14 Местности в Сирии.
- 15 "Зарница" (букв. "молния горизонта").
- 16 Бейт из стихотворения 'Умара ибн Абӯ Рабй'а, поэта омейядского периода.
- 17 "Тувайс" означает "маленький павлин", а также уменьшительное от Тāвис.
- 18 Ансāры - сподвижники Мухаммада из племени ал-аус и ал-хазрадж, которые оказали поддержку его учению.
- 19 Дальше речь идет о достоинствах, неудобных для перевода.
- 20 Т.е. из Корана.
- 21 Т.е. первую суру Корана, "ал-Фāтиху".
- 22 Селение в сторону Неджда от Медины.
- 23 Согласно этой передаче, имя певца было Тāвис, а Тувайс - уменьшительное от него.
- 24 Т.е. к храму Ка'бы.
- 25 Т.е. в Медине.

- 26 Коран, сура 76, стих 7.
- 27 Поэтесса была его родной теткой по отцу.
- 28 По-видимому, современник Тувайса.
- 29 **Х у л л а** – одежда, состоящая из двух частей: изъара, покрывающего нижнюю часть, и ридā, покрывающего верхнюю часть туловища, или из трех: рубахи, изъара и ридā; день разговения – после окончания поста рамадāна, день жертвоприношения – 10 эў-л-хиджжа.
- 30 По-видимому, живший уже при Аббасидах сын Дахмāна, певца омейядского периода.
- 31 Знаменитый законовед (715–795), основатель маликитской школы.
- 32 Одно из трех последовательно изгнанных племен.
- 33 Область на расстоянии 16 или 32 фарсахов от Медины по направлению к Сирии.
- 34 ‘Амр ибн ал-Атнāба ал-Хазраджī – царь Хиджаза (см. Аг., т. X, с.29–31).
- 35 Знатный қурайшит, большой любитель поэзии и пения.
- 36 Знаменитый лирический поэт омейядского периода.
- 37 Стихи принадлежат доисламскому поэту ал-А‘ше из племени Қайса ибн Са‘лаба (ум. ок. 629).
- 38 ‘Ата’ ибн Абў Раббаҳ – законовед (см.: Аг., т. I, с.100, т. II, с.132);
- Тāвис – по-видимому, тоже его товарищ по профессии.
- 39 Автор этих стихов пока не установлен.
- 40 Т.е. песню “Уехала Су‘ād, и связь с нею пресеклась...”
- 41 Название местности.
- 42 Т.е. “цимбалист арабов” или “превосходный певец арабов”.
- 43 Селение в пятнадцати фарсах от Куфы.
- 44 Талха ибн ‘Убайдаллāх – соратник Мухаммада.
- 45 Йунус ал-Кāтиб – известный певец аббасидского периода, начавший свою карьеру как писец.